

Я рисую красками жизни: моё творение — моя жизнь.

Сузуки

Сдержав слово, Джулиан появился в моем доме на следующий вечер. Внешне мое жилище смахивало на те дачные домики, что украшают собой мыс Кейп-Код. Ужасные розовые ставни должны были сделать его, по мнению моей супруги, похожим на фотографии из журнала «Выбираем дом». Около четверти восьмого я услышал четыре быстрых стука в дверь. Это был Джулиан, но выглядел он совсем не так, как накануне, что меня немало удивило. От него исходило такое же здоровье и ощущение покоя. Но его наряд заставил меня испытать некоторую неловкость. Его подтянутая фигура была облачена в алую накидку, увенчанную синим капюшоном, украшенным вышивкой. И хотя стоял душный июльский вечер, он не сбросил капюшон с головы.

— Привет тебе, друг мой, — с чувством произнес Джулиан.

— Привет.

— Не надо так волноваться, в чем ты хотел меня увидеть — в костюме от Армани?

Мы оба стали смеяться, сначала негромко, скоро смех перерос в хохот. Несомненно, Джулиан не утратил того особого юмора, который так меня забавлял много лет назад.

Когда мы уселись в моей уютной гостиной, заставленной вещами и безделушками, я не мог не заметить у Джулиана деревянных четок в форме ожерелья.

— Что это? Такие красивые!

— О них немного погода, — сказал он, потирая бусинки большим и указательным пальцами. — Сегодня нам о многом нужно поговорить.

— Тогда давай начнем. Я так волновался перед нашей встречей, что почти ничего сегодня не смог сделать.

Следуя намерению, Джулиан тут же продолжил рассказ о своем преображении и о том, с какой легкостью оно наступило. Он поведал об изученных им древних способах управлять своим сознанием и избавляться от беспрестанных тревог, что поглощают столь многих в нашем сложном обществе. Он говорил об умении жить более осмысленно и продуктивно, которым владели Раман и другие монахи. Он также рассказал о ряде методов освобождения источников молодости и энергии, которые, по его словам, дремлют глубоко в каждом из нас.

Хотя он говорил с большой убежденностью, во мне стало расти недоверие. А что, если я жертва какой-то проделки? В конце концов, этот гарвардской выучки адвокат когда-то славился среди

коллег своим искусством устраивать розыгрыши. К тому же его история выглядела по меньшей мере фантастично. Подумать только: один из известнейших юристов страны обертывается полотенцем, продает все свое имущество и отправляется в духовное путешествие по Индии с тем только, чтобы вернуться эдаким всезнающим пророком с Гималаев. Такого не бывает.

— Ну ладно, Джулиан. Хватит меня дурачить. Вся эта история начинает смахивать на один из твоих номеров. Держу пари, ты взял эту мантию напрокат в магазине одежды, что напротив, — ответил я, сооротив на лице улыбку слабой надежды.

Джулиан отвечал немедля, словно заранее предвидел мое недоверие:

— В суде — чем бы ты обосновывал свою правоту?

— Вещественными доказательствами.

— Верно. Так взгляни же на мои доказательства. На мое гладкое лицо без единой морщины. На мое физическое состояние. Разве не видно, сколько во мне энергии? Посмотри, насколько я спокоен. Ведь ты же видишь, что я изменился!

В словах его была правда. Передо мной был человек, всего несколько лет назад выглядевший на десятки лет старше.

— А ты не делал пластическую операцию?

— Нет, — улыбнулся он. — Так изменяют только внешность. А мне нужно было излечиться изнутри. Дисгармоничное, хаотичное существование привело меня к полному упадку. И это было куда серьезнее, чем перенесенный мною сердечный приступ. Была подорвана моя внутренняя сущность.

— Но твой рассказ. Это настолько... загадочно и не обычно.

Видя мое недоверие, Джулиан сохранял спокойствие и выдержку. Взяв заварочный чайник, который я поставил возле него на столе, он принялся наливать чай в мою пустую чашку. Он наполнил ее до краев и все продолжал лить! Сначала чай перелился на блюдечко, потом стал течь на любимый персидский ковер моей жены. Сперва я наблюдал за этим молча. Потом не выдержал:

— Джулиан, что ты делаешь? Моя чашка переполнена. Сколько бы ты ни лил, больше в нее не войдет! — воскликнул я.

Он устремил на меня долгий взгляд.

— Пожалуйста, постарайся понять меня правильно. Я, честное слово, уважаю тебя, Джон. И всегда уважал. Однако, подобно этой чашке, ты, кажется, до краев переполнен своими собственными представлениями. Так как же туда может войти еще что-то... покуда ты сперва не освободишь свою чашу?

Я был поражен правотой его слов. Долгие годы, проведенные в консервативном мире правоведения, одни и те же ежедневные занятия вместе с одними и теми же людьми, в чьих головах роятся одни и те же мысли, до краев наполнили мою чашу. Моя жена Дженни постоянно твердила мне, что нам недостает новых знакомств и новых впечатлений. «О, Джон, вот если бы тебе чуточку больше безрассудства», — говаривала она.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз читал что-нибудь, не относящееся к праву. Профессия стала моей жизнью. Я вдруг начал понимать, что привычный для меня стерильный мир отупляет, ограничивает творческие способности и сужает умственные горизонты.

— Хорошо. Я понимаю, о чем ты, — признал я. — Возможно, эти годы адвокатской работы превратили меня в закостенелого скептика. С той минуты, когда я увидел тебя вчера в своем кабинете, что-то мне подсказывало, что твое преображение подлинно и несет какой-то урок для меня. Может быть, я просто не хотел в это поверить.

— Джон, сегодняшний вечер — это первый вечер твоей новой жизни. Я попрошу тебя очень вдумчиво относиться к знаниям и приемам, которыми я стану с тобой делиться, и последовательно применять их в течение одного месяца. Восприми эти методы всей душой. Они не случайно просуществовали тысячи лет: причина этого в том, что они действительно работают.

— Один месяц — немалый срок.

— Шестьсот семьдесят два часа внутренней работы в обмен на коренное улучшение каждого мгновения всей твоей оставшейся жизни — неплохая сделка, как полагаешь? Инвестиции в самого себя — лучше вклада не бывает. Это улучшит не только твою жизнь, но и жизни тех, кто тебя окружает.

— Каким образом?

— Только освоив науку любви к самому себе, ты сможешь по-настоящему полюбить других. Только открыв свое собственное сердце, ты сможешь затронуть сердца других. У того, кто найдет свой внутренний стержень, больше возможностей стать лучше.

— А что со мной может случиться за эти шестьсот семьдесят два часа, из которых состоит месяц? — последовал мой настойчивый вопрос.

— Ты ощутишь такие изменения в работе сознания, тела и даже души, которые покажутся тебе невероятными. У тебя будет больше энергии, воодушевления и внутренней гармонии, чем,

возможно, было за всю твою прежнюю жизнь. Люди прямо станут говорить тебе, что ты выглядишь моложе и счастливее. К тебе очень скоро вернется ощущение благодати и равновесия — вернется навсегда. И это только некоторые из чудодейственных эффектов Сиваны.

— Ну и ну!

— Все, что тебе сегодня предстоит услышать, призвано улучшить твою жизнь не только в личном и профессиональном отношении, но и в духовном. Уроки мудрецов столь же действенны сегодня, сколь и пять тысяч лет назад. Они не только обогатят твой внутренний мир, они усовершенствуют мир вокруг тебя, и все твои дела и поступки отныне станут куда более плодотворными. Эта мудрость — действительно самая могучая из известных мне сил. Она последовательна, практична и выдержала многовековую проверку в лаборатории жизни. И что самое важное, она подходит для любого человека. Но, прежде чем поделиться с тобой этим знанием, я обязан взять с тебя одно обещание.

Я знал, что будут выдвинуты какие-то условия. «Бесплатных завтраков не бывает», — говаривала моя любящая мать.

— Познав силу приемов и навыков, которым обучили меня мудрецы Сиваны, увидев радикальные изменения, принесенные ими в твою жизнь, ты обязан принять на себя миссию передачи этой мудрости другим, тем, кому она может быть полезна. Это все, о чем я тебя прошу. Согласившись на это, ты поможешь мне выполнить мои обязательства перед Йогом Раманом.

Я безоговорочно согласился, и Джулиан начал обучать меня системе, которую в свое время признал священной. Хотя приемы, которыми Джулиан овладел за время своей экспедиции, были различны, в основе всей системы Сиваны лежали семь фундаментальных добродетелей, семь основополагающих принципов, которые заключали в себе тайны владения собой и духовного озарения.

Джулиан рассказал, что первым, кто поведал ему об этих семи добродетелях через два месяца пребывания в Сиване, был Йог Раман. Одной ясной звездной ночью, когда все крепко уснули, Раман осторожно постучался в дверь хижины Джулиана. Тонем любящего наставника он заговорил о своем решении: «Уже много дней я пристально наблюдаю за тобой, Джулиан. Ты представляешься мне достойным человеком, страстно жаждущим наполнить свою жизнь добродетелью. Прибыв сюда, ты не пренебрег нашими традициями и искренне принял их как свои. Ты усвоил целый ряд наших повседневных обычаев и наблюдал их очевидное воздействие. Ты уважительно отнесся к нашему укладу жизни. Так же просто и мирно мы прожили уже много веков, и наши приемы известны лишь немногим. Мир нуждается в том, чтобы узнать о нашей философии просветленной жизни. Сегодня, накануне третьего месяца твоей жизни в Сиване, я начну раскрывать тебе сокровенные тайны нашей системы, но не для твоего лишь блага, а для блага всех, кто обитает в твоём мире. Я буду заниматься с тобой изо дня в день, как занимался со своим маленьким сыном. К сожалению, он отошел в мир иной несколько лет назад. Его время пришло, и я не задаюсь вопросом о причине его ухода. Я наслаждался общением с ним и дорожу памятью о том времени. Сейчас я принимаю тебя как своего сына и благодарю судьбу за то, что все, познанное мною за многие годы молчаливого

созерцания, продолжит жить в тебе».

Я взглянул на Джулиана. Он закрыл глаза, словно мысленно переносясь в ту сказочную страну, которая так щедро одарила его благословенным знанием.

— Йог Раман поведал мне, что семь добродетелей, ведущих к жизни внутренне умиротворенной, радостной и духовно богатой, изложены в одной волшебной притче. Именно в этой притче — суть всего. Он велел мне закрыть глаза, вот как я закрыл их сейчас, сидя на полу твоей гостиной. Затем он велел мне мысленно представить такую картину:

— Ты сидишь посреди величественного пышного зеленого сада. Сад полон удивительных цветов — таких ты прежде никогда не видел. Вокруг царят возвышенная безмятежность и тишина. Ты наслаждаешься чувственной прелестью этого сада, словно в твоём распоряжении для этого — целая вечность. Осматриваясь вокруг, ты замечаешь возвышающийся в центре сада красный маяк высотой в шесть ярусов. Внезапно тишина сада нарушается скрипом отворяющейся в основании маяка двери. Из нее выходит, раскачиваясь, трехметрового роста и весом в полтонны японец — борец сумо — и непринужденной походкой направляется к центру сада.

— Дальше — больше, — улыбнулся Джулиан. — Этот японский борец — обнажен! Ну, на самом деле не совсем. Его интимные места прикрыты витым розовым проводом.

И вот, передвигаясь по саду, этот борец сумо находит блестящий золотой секундомер, который кто-то оставил там много лет назад. Он поднимает его — и с оглушительным шумом падает наземь. Борец сумо теряет сознание и лежит — молча и неподвижно. Ты подумал уже было, что он испустил дух, но тут борец приходит в себя, возможно, разбуженный ароматом только что распустившихся желтых роз, растущих рядом. С новыми силами борец стремительно вскакивает на ноги и невольно смотрит влево. Он поражен увиденным. Сквозь заросли кустарника, обрамляющие сад, просматривается длинная извилистая тропа, сплошь усыпанная сверкающими алмазами. Что-то невидимое словно подталкивает борца на эту тропу, и, к его чести, он ступает на нее. Тропа ведет его к дороге непреходящей радости и вечного блаженства.

Джулиан сказал, что, выслушав эту странную притчу от сидевшего рядом с ним на вершине Гималаев монаха, который видел свет факела озарения собственными глазами, был обескуражен. Это и понятно, он ожидал услышать нечто потрясающее, указание, которое подвигнет его к действию, возможно даже растрогает до слез. Вместо этого прозвучала какая-то нелепая история о борце сумо и маяке.

Йог Раман заметил его разочарование. «Остерегайся недооценивать силу простоты», — сказал он Джулиану.

— Это, возможно, не то изощренное умопостроение, которое ты ожидал услышать, — молвил мудрец, — но в идее этой притчи — много здравого рассуждения, а заложенный в ней смысл абсолютно прозрачен. Со дня твоего прихода к нам я не переставал размышлять о том, как бы

лучше передать тебе наши знания. Сначала я подумывал было о преподавании тебе в течение нескольких месяцев курса лекций, но потом решил, что традиционный подход едва ли годится, учитывая магическую природу той мудрости, которую тебе предстоит воспринять. Затем мне пришла в голову мысль попросить всех моих братьев и сестер ежедневно проводить понемногу времени с тобой, раскрывая тебе нашу философию. Однако для тебя это тоже был бы не самый эффективный способ познать то, что нам нужно поведать. После долгих размышлений я наконец пришел к тому, что, на мой взгляд, является творческим подходом и в то же время очень эффективным способом передать тебе весь свод философии Сиваны с ее семью добродетелями... — то была эта волшебная притча.

Мудрец добавил: «Сперва она может показаться несерьезной и, может быть, даже детской. Но я уверяю тебя, что каждый элемент этой притчи воплощает в себе вечный принцип полноценной жизни и имеет глубочайший смысл. Сад, маяк, борец сумо, розовый провод, секундомер, розы и извилистая тропа, усыпанная бриллиантами, являются символами семи вневременных добродетелей, ведущих к просветленной жизни. Я также могу заверить тебя, что, если ты запомнишь этот короткий рассказ и те основные истины, которые он содержит, ты будешь обладать всем, что необходимо знать, чтобы вознести свою жизнь до самых высот. Ты будешь обладать всем необходимым знанием и всеми умениями, которые нужны, чтобы существенно повлиять на качество твоей жизни и жизни тех людей, с которыми тебе доведется соприкоснуться. И когда ты станешь применять эту мудрость ежедневно, ты переменишься — умственно, эмоционально, физически и духовно. Пожалуйста, запечатлей эту историю глубоко в своем сознании и носи ее в своем сердце. Только если ты примешь ее полностью и безусловно, в жизни твоей наступят разительные перемены».

— К счастью, Джон, — сказал Джулиан, — я действительно поверил в нее. Карл Юнг однажды сказал, что «твое видение станет ясным, только если ты сможешь заглянуть в свое сердце. Кто смотрит наружу — видит лишь сны, кто смотрит в себя — пробуждается». В ту знаменательную ночь я заглянул глубоко в свое сердце и пробудился для вековых тайн расширения сознания, развития тела и обновления души. Теперь пришел мой черед поделиться ими с тобой.

<http://tl.rulate.ru/book/21787/454003>